

Братство святого Иосифа
РЕКОЛЛЕКЦИИ ВЕЛИКОГО ПОСТА
20–21 февраля 2021 г. Видеоконференция

Суббота

Музыка : Франц Шуберт. *Соната для арпеджионе и фортепиано D 821*

«Каждый из нас создан, чтобы то, чего Бог просит от нашей жизни – жизни как призвания, достигло совершенства гармонии и мелодии. Откуда может родиться радость, если не от такого послушания? Гармония есть послушание. Тот, кто признает, ради чего он создан, кто желает совершенства собственной жизни, просит о нем, следует за ним, повинуется ему».

Отец Микеле Берки

«Мы образуем целостный народ в Церкви тем лучше, чем мы вернее нашей харизме, так сказать, нашей личности, проникнутой Духом, тому особому облику, который дал нам Бог и который растворяется в Его вечном замысле. Оторваться от „формы наставления, которой мы вверены“, – это первый шаг к усталости, скуке, смятению, растерянности и даже отчаянию».

Я решил начать с этого основополагающего отрывка школы общины, поскольку нам хорошо известен описанный опыт: скука, смятение, растерянность, а в некоторые моменты – и отчаяние. Мы знаем, насколько они недалеки от нас и как порой определяют весь наш день. Поэтому мы здесь: чтобы в нас обновились, воскресли верность и послушание любви Господа, которую Он явил и продолжает нам являть, исполнив нас Духа Святого, позволив нам приобщиться к харизме отца Джуссани. Все, что можем делать мы, – просить о том, что Господь дарует нам по благодати и милосердию. Просить – значит вставать на позицию нищеты и ожидания, позволяющую Господу продолжать в нас Его дело. Начнем наши реколлеции молитвой к Духу Святому, потому что без дара, который охватил и увлек жизнь отца Джуссани, а вместе с ним – и нашу, мы не можем ничего.

Песни: *Non son sincera*
 Liberazione n. 2

Отец Микеле

Дорогие друзья, мне, с одной стороны, немного тяжело, потому что собираться на эти упражнения вот так, перед экраном, разделенным на квадратики, вместо того чтобы быть вместе, – жертва, которую мы все должны принести. Но с другой, если я смотрю, сколько нас (почти пятьсот человек), замечательно думать, что Братство святого Иосифа в этот самый момент может переживать в общении одно и то же, единое событие. Итак, с одной стороны – жертва, с другой – тот факт, что, вероятно, она того стоит. Так или иначе, именно этого Бог просит у нас. С огромной радостью сообщаю, что реколлеции проведет наш дорогой друг монсеньор Джованни Мошиатти, епископ Имоля. Нет ничего саморазумеющегося. Напомню, что год назад реколлеции Великого поста не состоялись, в этом же году мы здесь. Говорю это, чтобы по-настоящему обновилась наша благодарность

Господу за нашу встречу и чтобы выразить мою благодарность монсеньору Джованни. На самом деле наша дружба зародилась еще в семинарии: мы три или четыре года делили с ним комнату. Благодарю тебя, что ты согласился быть с нами, ведь у епископов сейчас куча забот, которым нужно посвящать время, поэтому твое присутствие среди нас – большой подарок.

Монс. Джованни Мошиатти

Огромное спасибо, что попросили меня вести реколлекции, это важный момент и для меня.

ОБРАЩЕНИЕ – ПОСТОЯННОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ К ВЕРЕ

Начнем путь Великого поста. В сердце Бога рождается призыв, мольба, обращенная к нам: «Обратитесь ко Мне всем сердцем своим» (*Иол.* 2:12). «Обратитесь [вернитесь] ко Мне». Великий пост – как раз такой путь возвращения к Богу. «Обратитесь ко Мне всем сердцем». Великий пост – путь, захватывающий всю нашу жизнь, все наше существо. Это время проверить дорогу, по которой мы идем, вновь найти тропу, ведущую домой, вновь открыть для себя основополагающую связь с Господом, от Которого зависит все. Путь Великого поста есть исход, исход из рабства к свободе. Эти сорок дней напоминают нам о сорока годах, на протяжении которых народ Божий шел через пустыню, чтобы вернуться в свою исконную землю. В пути всегда было искушение плакать по луку, который евреи ели в Египте, возвращаться назад, жить воспоминаниями о прошлом, творить идолов. Для нас все точно так же. Но если мы посмотрим на блудного сына, то поймем, что настало время и нам вернуться к Отцу. Подобно ему, мы тоже забыли о доме, расточили драгоценные сокровища ради вещей ничтожных и остались с пустыми руками и недовольным сердцем. В такие моменты прощение Отца вновь принимает нас.

«Помни, что ты прах и в прах возвратишься». Эти слова, звучащие во время обряда возложения пепла, которым начинается Великий пост, реалистично напоминают о том, кто мы. Пепел, которым мы посыпаем главу, говорит, что мы прах и в прах возвратимся. С человеческой точки зрения, наш удел – ничто. Что же вырывает нас из небытия? В это ничто, в этот прах Бог вдохнул Свой Дух жизни. А потому мы не можем жить, гонясь за прахом, идя за тем, что сегодня есть, а завтра пропадает. Ответ на вопрос о том, что вырывает нас из небытия, подсказывает нам другая фраза из обряда Пепельной среды: «Обратитесь [покайтесь] и веруйте в Евангелие». Единственный настоящий наш шанс – обрести собственную состоятельность во Христе, смотреть на Него, иными словами – обращаться.

Коротко говоря, весь путь Великого поста, даже лучше – всей жизни, есть обращение. Но что значит обращение? «Обращаться – значит постоянно возвращаться к вере, а вера есть признание факта, произошедшего факта, великого события, которое продолжает пребывать среди нас» (Л. Джуссани. Цит. по: Х. Каррон. *Сияние в глазах*. С. 102). У кого была вера две тысячи лет назад? У тех многих или немногих, кто признавал в том Человеке присутствие Чего-то великого, сверхъестественного; чего-то, что нельзя было увидеть, как видели Его, но что по-настоящему было в Нем, ибо, как сказал Иисусу Никодим, «никто не может говорить то, что Ты говоришь, и совершать то, что Ты совершаешь, если не будет с ним Бог» (ср. *Ин.* 3:2).

Возвращение к вере, следовательно, означает постоянное осознание тайны, присутствующей среди нас, и присоединение к ней, к событию в нас и среди нас: в каждом из нас в силу Крещения и среди нас как членов Церкви Божией. Если такое обращение по-настоящему станет «проектом» нашей жизни, мы обретем большую способность быть готовыми, открытыми перед любыми задачами, которые история ставит перед нами день за

днем. Постоянно возвращаться к вере – значит «возвращаться к вере как к постижению и послушанию. Перед нами два измерения веры – постижение и послушание, и нужно присмотреться к ним внимательней.

Начнем с первого. „Событие внутри меня и вас, внутри нас воспринимается умом. В самом деле, вера, есть действие постижения“, постижения „более глубокого и более великого, чем обычное постижение естественного разума, поскольку оно проникает на тот уровень вещей, где вещи получают их содержание и смысл. Возвращаться к вере как к постижению – значит постоянно признавать факт, пребывающий среди нас“. <...> Новое самосознание «действительно есть иной способ воспринимать самих себя, иной способ воспринимать присутствие другого, понимать, кто такой другой и каково мое отношение с ним. „Все мы одно, так что вы все – члены друг друга, а потому носите бремена друг друга“. До тех пор, пока это не превратится в проект каждого нашего утра, в программу каждого дня, что вообще мы делаем [в мире]? Наша позиция перед миром сразу же превращается в слова среди прочих, в идеологию среди прочих и в очередную иллюзию, брошенную людям в лицо.

Второе понятие, которое Джуссани использует, чтобы описать обращение, постоянное возвращение к вере, – „послушание“. Следовательно, речь не только о вере как о постижении, как о „восприятии новизны в нас и среди нас, но и как о послушании этой признанной, воспринятой реальности в нас и среди нас, этому единству с тайной Христа, каким являемся я и вы, этому единству между мной и вами“.

Спросим себя: каким образом проверить, что вера как признание, как постижение новизны в нас и между нами и как послушание этой признанной реальности, „нашему единству в том Человеке, Христе“, реальны в тебе и во мне? Каким образом проверить обращение? Проверка – новая человечность, предваряющая окончательное счастье. <...> Новая человечность, иная, более истинная, болеевершенная, более желанная – единственный „совет“, способный пробить брешь в нашем сознании и в сознании современных людей, только он может быть услышан как притягательное и освобождающее приглашение. Определение таких вещей всегда носит общий характер, но сказанное „верно для твоей семейной жизни, в отношении с твоей женой, с твоим мужем, с твоими детьми, верно для отношений с людьми на работе, для отношений, в которые ты должен входить с каждым встречающимся тебе человеком, для каждого случающегося события, благоприятного или враждебного, чтобы при благоприятном раскладе мы были смиренными, а при враждебном – уверенными“. Вот награда за обращение, о котором мы говорили: новая человечность, предвращение окончательного счастья, а потому и иной способ понимать вещи, новое познание, подлинный взгляд на реальность» (Х. Каррон. *Сияние в глазах*. С. 104–105, 107).

Искушение поменять метод

«Когда встреча произошла, когда мы испытали, что нас, словно магнитом, притянуло, „оковало“ присутствие инаковой человечности, в которой мы... признали присутствие Христа здесь и сейчас, поскольку начали замечать его плоды в нашей жизни, нам может показаться, будто цель достигнута и больше никуда не идти не надо. Мы должны смириться с тем фактом, что это не так. Встреча, постоянно обновляющаяся и вновь происходящая, неизменно открывает перед нами дорогу, и нельзя перестать следовать по ней. „Эта в некотором смысле ворвавшаяся данность становится отправной точкой пути... То, что было дано, становится отправной точкой поиска, усердной работы, ни в коей мере

не устремленной к обладанию, а скорее представляющей собой труд желания, которое никогда не прекратит учиться". Как только мы останавливаемся, думая, будто уже обладаем тем, что нам дано, в наши дни вторгаются тяжесть и черствость и в наших руках оказываются не цветы, а засохшая трава. Мы снова видим, как небытие проникает в ткань нашего времени. Нас это удивляет и приводит в разочарование. <...> „Обращение есть путь, дорога длиной в целую жизнь. И именно поэтому вера всегда есть *развитие* и созревание души в устремлении к Истине, которая нам ближе, чем мы самим себе"» (Там же. С. 85–87). «Но такой очевидный факт (что обращение – это дорога длиной в целую жизнь, а вера – всегда находится в развитии) может ввести – а мы даже не заметим – в искушение. Оно состоит в смене метода, в подмене встречи чем-то еще. Так случается перед лицом жизни с ее неотложными обстоятельствами, с ее вызовами, личными и общественными. Иными словами, искушение в том, чтобы воспринимать событие как нечто саморазумеющееся, воспринимать таким образом веру и сосредотачиваться на другом. Мы ищем свершения нашей жизни где-то еще, а не в привлечшем нас событии. Вот почему Джуссани пишет: «Слово „событие“ с большим трудом понимается и принимается современной ментальностью, а потому и каждым из нас. <...> Сложнее всего принять тот факт, что именно событие пробуждает нас для самих себя, для истины о нашей жизни, для нашей судьбы, для надежды, для нравственности». В результате мы ищем прибежища и поддержки в чем-то придуманном и созданном нами, в чем-то, что, по нашему мнению (хоть мы этого и не высказываем), более действенно против окружающего и закрадывающегося и в нас небытия. Почему же, пережив изначальную притягательность, мы падаем, оказываемся втянутыми в борьбу, которая порой истощает нас? Почему мы меняем метод? Тут нужно сделать первое замечание. Решение сосредоточить внимание не на встрече, а на том, что кажется подконтрольным нам, лучше обеспечивающим нашу самореализацию... <...> Как не пасть под его тяжестью? Только благодаря конкретному и непреходящему присутствию воплощенной Тайны, которая делается доступной опыту посредством живой христианской действительности. <...>

...если и правда без современной связи с постоянной компанией Христа, проявляющейся в человеческих лицах, которые Он использует, сложно, а может, и невозможно не поддаться окружающему менталитету, то так же верно, что погруженность в живую христианскую компанию не уберегает нас автоматически от риска подменить встреченное событие чем-то еще, возложить на что-то другое наши надежды, вновь вообразить себе путь к свершению как то, чего можно достичь собственными силами. <...> Когда исток, то есть произошедшее событие, становится для нас саморазумеющимся, он превращается в некое априори, которое мы откладываем подальше. Событие видится нам как предпосылка, и мы подходим к реальности на основании наших проектов и наших толкований. Событие выживает как категория, известная и даже применяемая, но не как корень познания и действия. Оно не движет нами, и мы не ждем от него удовлетворения, или соответствия исконным потребностям сердца. Удовлетворения мы ищем в реализации собственных планов, в собственных созидательных способностях, в утверждении самих себя. Так незаметно происходит упомянутая выше перемена метода. <...> Одним словом, поиск самовыражения преобладает в ущерб событию, вошедшему в жизнь и представшему перед нами как исток новой человечности, нового ума и новой привязанности.

В чем корень проблемы? Джуссани без колебаний отвечает: в утверждении самих себя как конечной точки и горизонта наших действий. „Цель, которую мы преследуем, ходя в церковь или ведя борьбу на фабрике, в школе или в университете, когда мы одни или вместе, – утверждение самих себя согласно интересующим нас аспектам (это могут быть чувства, или любовь к культуре и заинтересованность в ней, или желание проявить собственные умения,

или страсть к социальной жизни или политике). Вот средоточие проблемы: цель, которую мы преследуем по отдельности или сообща мне кажется, определяется преимущественно необходимостью и претензией, тревогой и утверждением самих себя, согласно тому, что интересует нас, согласно тому, что мы находим для себя интересным“» (См. Там же. С. 89–95).

Каковы последствия этого? Они всегда у нас перед глазами:

- мы тяготеем к частности, которая, будучи оторванной от всего остального, отождествляется с целью жизни;
- несмотря на все наши усилия, растет неудовлетворенность;
- реальность утрачивает свою тайну, не остается ничего удивительного, жизнь превращается в удушающий пузырь.

Какова же альтернатива? «Не самовыражение, а обращение» (Там же. С. 98). Антитеза в следующем: искать либо собственного удовлетворения, либо собственного обращения; «пытаться утверждать самих себя согласно нашим собственным мыслям, чувствам, интересам, а не обращаться в том, что касается критериев, определяющих наши мысли, чувства, интересы» (Ср. Там же. С. 151).

«Но именно тут мы и оступаемся: вера, встреча часто кажутся нам слишком слабыми, недостаточными для достижения удовлетворения и влияния, которых мы желаем, к которым стремимся, которые воображаем себе, и потому мы оставляем событие позади и делаем ставку на собственную инициативу. <...> ...если Бог, смысл всего, стал человеком, если это событие длится в истории, остается современным жизни каждого из нас, то для человека, который его признает, все должно вертеться вокруг него. <...> Христос имеет отношение ко всей жизни целиком, ко всем ее конкретным сторонам. <...> Это означает, что взгляд на каждую деталь реальности, на каждый поворот существования, сформирован встречей. Можно переживать все с неожиданной интенсивностью и достоинством, даже когда оказываешься в стесненных обстоятельствах» (Там же. С. 99–100). В нас же преобладает скептический взгляд на важность встречи и веры, на эффективность инициативы Бога в мире. Из-за такого скептицизма мы и предпочитаем наши проекты, нашу активную деятельность. «Поступая так, мы не отрицаем Христа открыто, но оставляем Его в дарохранительнице, в нише устоявшихся предпосылок. Мы считаем само собой разумеющимся исток, развоплощаем его и превращаем во вдохновение, оправдывающее то, что думаем и чего хотим мы, оправдывающее наше самоутверждение. Поэтому-то Джуссани и предлагает нам обращение – личное и коллективное». «„Обращаться – значит постоянно возвращаться к вере, а вера есть признание факта, произошедшего факта, великого события, которое продолжает пребывать среди нас. Кто верил две тысячи лет назад? Те немногие или многие, кто признавал в том Человеке присутствие чего-то великого, сверхъестественного. Чего-то, что не было видно по тому, как Он выглядел, но было в Нем очевидно, поскольку „никто не может говорить слова и совершать дела, какие Ты говоришь и совершаешь, если Бог не с ним“, как сказал Никодим Иисусу. Следовательно, возвращаться к вере – значит постоянно возвращаться к осознанию Тайны среди нас и присоединяться к ней, к событию в нас и среди нас: в каждом из нас в силу Крещения и, следовательно, среди нас“» (Там же. С. 102).

Переломный момент: наша жизнь зависит от Другого

Первый переворот, который влечет за собой обращение, заключается в «сознании, что наша жизнь зависит от Другого и служит этому Другому!»; в «сознании, что мы „принадлежим“ чему-то более великому, что мы „принадлежим Отцу“» (*Там же*. С. 110, 111). «Наша жизнь, когда мы поднимаемся по утрам и пьем кофе с молоком, когда закатываем рукава, чтобы прибраться в доме, когда идем на работу, какой бы эта работа ни была (нет никакой разницы), – наша жизнь зависит от чего-то другого, более великого, недостижимо более великого, чему она служит» (*Там же*. С. 110).

«„Отец“ – это ключевое слово. <...> Именно решающую роль связи с Отцом „смутно ощутил апостол Филипп, когда ровно за час до ареста Христа спросил у Него: „Ты все время говоришь нам об Отце, так покажи нам хоть раз этого Отца, и мы будем счастливы!“ <...> ...Отец – горизонт всего, корень всего... <...> ...вся наша жизнь служит Ему, принадлежит Ему. „Филипп, столько времени ты со Мной и все еще не понимаешь? Кто видит Меня, видит Отца“. Вот причина безграничных нежности и изумления... ибо в Сыне тайна Отца, Которому мы принадлежим, становится нам близкой» (*Там же*. С. 111–112).

«Какую дорогу избрал Отец, чтобы подвести нас к глубокому и близкому отношению с Собой? Он послал Своего Сына, Чье присутствие мы можем уловить, чтобы в вочеловечившемся Сыне действием Духа Святого мы „увидели“, к какой сокровенной связи с Ним мы призваны и какую новизну это вносит в то, как мы смотрим на все и ко всему подходим.

Как человек Христос подвел тех, кто слышал Его слова и видел Его деяния, к сознанию о принадлежности Отцу? Каждый Его жест, каждое Его изречение, каждый Его взгляд был охвачен, сформирован сознанием об Отце, подтверждал это сознание. „Человека Христа всецело определяло такое сознание, настолько, что Он мог сказать: „Я и Отец – одно“ (*Ин.* 10:30). <...> Мы призваны соотносить себя с опытом Христа, вживаться в него, на него мы должны смотреть. Если бы кто-то остановил нас и спросил: „Чем наполнено сейчас твое сознание?“ – что бы мы ответили? Речь, конечно, не о повторении определенных слов, а о том, чтобы с удивлением увидеть, чем на самом деле наполнено наше сознание в ходе жизни» (*Там же*. С. 113–114).

Что значит иметь сознание об Отце? Отец есть начало всех вещей. Сознать, что наша жизнь зависит от Другого, – значит переживать реальность как то, что исходит от Тайны, воспринимать всю реальность как событие: «Все можно переживать как событие, то есть как то, что все в конечном итоге проистекает сейчас из Тайны» (*Ср. Там же*. С. 116).

«Чем нам интересен Его образ жизни как человека, пребывающего в отношении с Отцом? Христос познакомил нас с подходом к реальности, соответствующим сердцу, приносящим удовлетворение, дающим полноту и не оставляющим в разочаровании. Ради этого мы и созданы: „Признавать, что действительность проистекает из Тайны, должно бы быть привычным для разума, так как именно в признании действительности такой, как она есть, какой ее пожелал создать Бог, а не редуцированной, плоской, лишенной глубины, находят соответствие потребности „сердца“ и до конца осуществляются наши способности к разумности и привязанности“. <...> Признавать, что реальность проистекает из Тайны, – не значит пребывать в мечтательном заблуждении, в самоубеждении. Такое признание – высшая точка подлинного использования разума и привязанности. <...> Признавать, что реальность – знак Тайны, способны все, как утверждает святой Павел... <...> Признание доступно всем, но не само собой разумеется. Напротив, то, что должно бы быть хорошо знакомым нашему разуму, устроенному так, чтобы улавливать смысл реальности, и созвучным нашей свободе, исторически оказывается далеким от нас... <...> Привыкли мы разве что к другому способу отношения с реальностью, при котором ее существование очевидно» (*Там же*. С. 114–115).

«Сложно не удивиться взгляду Иисуса на реальность, описанному в Евангелиях, не ощутить его притягательность. Он свидетельствует о таком способе переживания реальности, который не делает ее бесцветной, не редуцирует; этот взгляд воплощает и являет истинное, цельное отношение с каждым аспектом реальности. <...> Что позволяло Ему переживать реальность так насыщено? Его отношение с Отцом. <...> Его непрерывное отношение с Отцом, которым в каждый момент полнилось Его сознание, позволяло Ему переживать все с несравненными насыщенностью и глубиной. <...> Ничто не захватывало Его так, как Отец: „Я и Отец – одно“. Даже зло, причиненное Ему, не в состоянии было оторвать Его от Отца. Более того, именно в таких ситуациях проявлялась вся глубина Его отношения с Отцом, в силу которого Он вверял Себя Ему сверх всякой меры. <...> Здесь корень победы Христовой над небытием. Образ жизни Сына есть победа над небытием» (Там же. С. 116–117).

«Нам стоит научиться взгляду Христа на реальность, потому что, «если человек не рассматривает мир как „данность“, как событие, проистекающее из современного ему действия Бога, дарящего ему мир, то мир утрачивает для него всю силу привлекательности, удивительности и нравственного призыва, то есть совета присоединиться к порядку и судьбе сущего». Напротив, когда мы признаем, что реальность – это событие, что она порождена Тайной, жизнь становится невероятно интенсивной... <...> Именно отношение с Отцом наполняет смыслом и положительностью каждый отдельно взятый миг, даже самый мимолетный. <...> В противном случае все распадается, и побеждает отсутствие смысла» (Там же. С. 119–120).

«Вот почему в высшей степени целесообразно следовать за Иисусом. Следуя за Ним, мы можем видеть, как исполняется Его обещание: „Кто последует за Мной, получит во сто крат в этой жизни“. В компании Иисуса истинное отношение с реальностью может стать для нас постоянным опытом... <...> Со Христом ничто не утрачивается, поскольку Христос позволяет нам войти в близкое отношение с Отцом. <...> Любое обстоятельство может вести к новизне, которую принес в мир Христос. Но для этого мало наших усилий... <...> Какой путь Он показывает нам? Путь не усилий, а сыновства. Нужно быть детьми. Иисус учит нас, что значит быть детьми, показывая, как Он является Сыном. Засвидетельствованная Им дорога к полноте заключается не в том, чтобы быть способными, а в том, чтобы быть детьми. <...> Мы ошибаемся, думая, будто инаковость Иисуса – в Его превосходных способностях, позволяющих Ему совершать то, что нам не удастся, – жить, не уступая пустоте. Иисус же не истощается и не оскудевает, не становится жертвой небытия, ибо живет Отцом. В этом Его единственная сила... Его инаковость не в способности быть самим собой независимо. Его инаковость – в том, чтобы быть Сыном. Вот в чем все качественное отличие Христа. <...> Когда в отношениях с детьми задействовано это новое сознание, „какое спокойствие, какая уверенность, какое умиротворение тогда наступает! Вы свободны даже перед ответом, который даст вам ваш ребенок. Когда же важным является наше мнение, мы хотим, чтобы дети во что бы то ни стало приняли его, мы доминируем“. Вот весьма конкретные признаки, по которым мы проверяем, начинает ли новое сознание, порожденное Христом, проникать в самое наше нутро, или нет.

Итак, важно, чтобы сознание об Отце становилось все более близким нам, чтобы каждый, подобно Иисусу, мог сказать: „Пославший Меня есть со Мною“. Такой опыт созревает во времени... <...> Подобное осознание формирует каждое мгновение, каждый жест, каждый взгляд, подход ко всему, шаг за шагом. „Я от Бога исшел...“ <...> Иисус являет нам Тайну как Отца. Он учит нас говорить: „Отче наш“. И поэтому мгновение за мгновением замечать отношение всего с истоком – значит замечать отношение всего с Отцом. <...> Отношение с Отцом не отвлекает от вещей, не затмевает их, а наполняет смыслом. Думать об Отце – вот верный способ думать о вещах. Такой взгляд наконец-то является истинным. И тогда все

приобретает исключительную глубину и насыщенность: наконец-то утверждается ценность мгновения, отношений, работы, реальности, обстоятельств, страданий – собственных и других людей. <...> Тогда тревоге уже не одержать над нами победу, нас больше не определяет то, насколько успешно мы самовыражаемся, в нас не больше не царят страх и сомнение» (См. *Там же*. С. 120–127).

«Опыт греха – это „в буквальном смысле упадок сознания об Отце, то есть упадок стремления к тому, чтобы такое сознание осуществлялось“. <...> Подлинная проблема состоит прежде всего не в отсутствии энергии, силы воли или последовательности, но в забвении, в недостаточной близости с Отцом. И это не проблема способностей. Когда недостает сознания об Отце, то есть сознания о нашем сыновстве, мелькает и цель жизни: она превращается в чистое самоутверждение. <...> Действовать ради самих себя – значит все бросать в небытие, все становится эфемерным из-за нехватки глубины, смысла. Действия, дела, которые мы должны делать, не имеют адекватной цели. Жизнь сводится к видимости, становится плоской: еда, питье, семейная жизнь, работа, свободное время и т. д. <...> Ценность вещей зависит от их смысла и от интенсивности сознания, с которым мы живем» (*Там же*. С. 128–129).

Условие – харизма

Иисус подвел учеников к сознанию об отношении с Отцом. А кто сегодня открывает это сознание для нас?

«Встреча Христа с нашей жизнью, благодаря которой Он начал становиться реальным событием для нас, столкновение Христа с нашей жизнью, начиная с которого Он двинулся нам навстречу... называется Крещением. <...> Обычно, впрочем, в иерархии оценок и интересов, правящих нашей жизнью, нет ничего более чуждого, чем Крещение. И, тем не менее, ничто не определяет человеческое существование так решительно, как этот факт, называющийся Крещением. Факт настолько реальный, что его можно описать во всем его внешнем проявлении, факт, у которого есть точная дата, он нас затрагивает, даже физически, в определенный момент. <...> ... с этого происшествия, называемого Крещением, началось нечто необоримо новое в нас. Это реальное событие, которое входит в ситуацию и меняет ее, определяет ее по-другому. <...> Но какой смысл заключен в Крещении? Мы начинаем это понимать при встрече с живой компанией христиан... <...> Крещение подразумевает сопричастность моей личности к Тайне личности Христа: моя личность встроена в Тайну личности Христа. <...> Уподобление Христу, осуществляющееся в Крещении, – это Воскресение Христа, пронизывающее историю, это тело Христа Воскресшего, вечно растущее во времени Тайны Отца. <...> За материальным символом на деле происходит то, что этот символ обозначает: Христос становится единством со мной. <...> Крещение – это начало новой личности, „новой твари“ в мире» (См. Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. С. 79–82).

«Христос берет человека при Крещении, дает ему расти, взрослеть, и во время встречи почувствовать близость иной человеческой реальности, отвечающей, убеждающей, воспитующей, творящей, которая каким-то образом его поражает. <...> Пусть одним дуновением, на один лишь миг, но человеку посылается знак, приглашение, он догадывается о существовании чего-то более прекрасного, более отвечающего его ожиданиям, лучшего. И он говорит да. Он мог встретить сотню других людей, с другим характером, по-иному привлекательных; но с ним случилось это. Он попал в некую компанию и ощутил новое дуновение обещания жизни, смутно почувствовал Присутствие,

отвечающее изначальным ожиданиям его сердца. Ибо эта компания, а не какая-либо иная, есть то, в котором Христос стал спутником его жизни и идет рядом с ним. В этой компании он может повторять великие, изумительные слова: „К Тебе прилепилась душа моя; десница Твоя поддерживает меня“» (*Там же*. С. 118–119).

«Кардинал Ратцингер заметил, что „вера – это послушание сердца той форме наставления, которой мы вверены“. Дух Божий может осуществлять в Своем бесконечном воображении, в Своей бесконечной свободе и подвижности тысячи харизм, тысячи способов соединяться во Христе с человеком. Харизма и представляет собой тот тип времени, пространства, характера, темперамента, тот психологический, эмоциональный, интеллектуальный тип, в котором Господь становится событием для меня, и таким же способом – для других. <...> Итак, харизма одушевляет Церковь и представляет собой производное от всей полноты церковной жизни. По природе своей всякая харизма, в силу своих особенностей, открыта к признанию всех других харизм. Всякий исторический способ, которым Он устанавливает связь с Событием Христа, – всегда „особый“, особый тип времени и пространства, темперамента, характера. <...> Но это частность, которая готовит к целостности. <...> Если прибегнуть к образу, можно сказать, что харизма подобна окну, через которое видно все пространство. Доказательство истинности харизмы в том, что она открыта всему, а не закрыта. <...> Вопрос харизмы – решающий, поскольку это условие, экзистенциально способствующее принадлежности Христу, то есть свидетельство События, разворачивающегося сегодня, поскольку оно нас трогает» (*Там же*. С. 130–132).

«Но в той огромной компании, куда Бог поместил нас через Свое событие, не собраны самые лучшие из людей. <...> Мы не лучше других. Об этом хорошо напоминает святой Павел в Первом Послании к Коринфянам: „Посмотрите, братия, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, – для того, чтобы никакая плоть не хвалилась перед Богом. От него и вы во Христе Иисусе, Который сделался для вас премудростью от Бога, праведностью и освящением и искуплением, чтобы было, как написано: хвалящийся хвались Господом“» (*Там же*. С. 136).

«Каждый несет ответственность за харизму, с которой встретился. Каждый есть причина упадка или возрастания харизмы, почва, на которой харизма будет растрачена впустую или даст плоды. <...> Размывать или преуменьшать эту ответственность означает размывать и преуменьшать то значение, которое история нашей харизмы имеет для Церкви Божией и для общества. Каждый имеет личное определение, личное понимание харизмы, к которой он призван и которой принадлежит. И неизбежно, чем больше человек чувствует ответственности, тем больше харизма пронизывает его характер, то призвание, несводимое ни к какому иному призванию, которое и есть его личность. <...> Каждый человек в каждом своем поступке, в каждом дне, в каждой мечте, в каждом помысле, в каждом действии должен стараться сравнивать свои критерии с тем образом харизмы, который явился в начале общей истории. <...> Такое сравнение должно быть постоянной нашей заботой... Иначе харизма становится предлогом и отправной точкой для наших запросов, прикрывает и обеспечивает то, чего хотим мы. <...> Отдать свою жизнь ради дела Другого в реальности означает сказать нечто такое, что имеет точную историческую отсылку; для нас это означает, что все, что мы делаем, вся наша жизнь посвящена тому, чтобы возростала харизма, в которой нам дано соучаствовать, у которой есть своя хронология, свой поддающийся описанию облик; она называет имена и фамилии, а изначально – одно имя и фамилию» (*Там же*. С. 137–139).

Однако, чтобы харизма не превратилась в предлог, в повод для того, чтобы творить все, что заблагорассудится, остро необходимо непрестанное сопоставление, напоминающее об идеале и исправляющее, сопоставление с исторической формой, которую принимает харизма: с текстами и людьми, выступающими как ориентиры (Ср. *Там же*. С. 138–139).

Какая огромная благодать – принадлежать к этой харизме, в рамках которой любовь ко Христу пробуждается в нас и позволяет нам жить в мире, порой таком сложном и драматичным образом погруженным в ничто, как свидетелям непредставимого величия и красоты.

Благодарю вас. Будет замечательно, если на завтрашнем собрании возникнут вопросы.

Отец Микеле

Спасибо. Вопросы точно появятся.

Монс. Мошиатти

Все, о чем я говорил, можно найти в текстах, рекомендованных нам для этих реколлекций: в книге «Сияние в глазах» и в тексте школы общины есть все, что поможет вам.

Отец Микеле

Завтрашнее собрание – для вопросов и замечаний. Новый способ проведения реколлекций требует от нас еще большей личной ответственности. Одно дело – переживать эти дни всем вместе, когда молчание организовано, и его проще хранить. Сейчас же каждый несет за него ответственность у себя дома, и то, как мы переживаем это время, зависит от каждого из нас. Отец Джуссани всегда говорил нам (и это один из самых ценных моментов нашей харизмы и харизмы Братства святого Иосифа): чтобы «делать» молчание, недостаточно быть дома в одиночестве; молчание – это когда ты позволяешь Его присутствию выйти на первый план. Пусть то, что началось со слов монсеньора Мошиатти, продолжает сопровождать нас и станет в ближайшие часы отправной точкой непрерывного сравнения. Пусть личная работа над подготовкой к собранию выразится для всех в вопросах или свидетельствах. Готовьтесь так, как будто вы должны выступать, поскольку мы не на спектакле, где смотрят на то, что делают другие. Мы тут, чтобы разделить то, что Господь пробуждает в каждом из нас.

Тексты:

Х. Каррон. *Сияние в глазах. Что вырывает нас из небытия?* Эл. изд. С. 85–160

Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. М., 2019. С. 79–82, 129–140

**Братство святого Иосифа
РЕКОЛЛЕКЦИИ ВЕЛИКОГО ПОСТА
20–21 февраля 2021 г. Видеоконференция**

*Воскресенье, вечер
Собрание*

Музыка : *В. А. Моцарт. Торжественная вечерня проповедника KV 339
(Laudate Dominum)*

«Мироздание и вся реальность, реальность человека и человеческой истории, подобны великому строению, великому произведению искусства, великому шедевру Бога, в котором мы живые камни. И потому сознательность, сознание открывают измерения бытия, истины, красоты мира, которые суть Христос и отголоском которых, сразу же притягивающим, чарующим, является «Торжественная вечерня проповедника». Сердце Моцарта, а вместе с ним – и наше, поет от изумления, от изумления и благодарности перед бытием, которое суть истина и содержание всех вещей».

Песни: *L'assenza
Quando uno ha il cuore buono*

Отец Микеле

Начнем сегодняшнюю работу, еще раз поблагодарив монсеньора Мошиатти за его присутствие.

Нам пришло много вопросов. Мы попытались скомпоновать вопросы и выступления по темам, поскольку, хотя они и опираются на частный опыт, в них, как правило, затрагиваются одни и те же моменты лекции.

В лекции (она была замечательной!) я остановилась на пункте «Условие – харизма», а если точнее, на том отрывке, где говорится: «Каждый имеет личное определение, личное понимание харизмы, к которой он призван и которой принадлежит». И чуть дальше: «Каждый человек в каждом своем поступке, в каждом дне, в каждой мечте, в каждом помысле, в каждом действии должен стараться сравнивать свои критерии с тем образом харизмы, который явился в начале общей истории». Прочитав это, я подумала о своей работе и о каритативе. Я работаю в семье, состоящей из мамы и сына, и моя задача – поддерживать маму (помогать, убирать, готовить). В качестве каритативы я посещаю одинокого человека и конкретным образом отвечаю на все потребности, о которых он мне сообщает. Мой вопрос в следующем: что значит сравнивать мои критерии с образом харизмы? У меня возникла идея: сравнивать – значит возвращаться к исходному опыту, к сердцу, к тому факту, что я соткана из нужды в красоте, справедливости, добре, любви. И я спрашивала себя, правильно ли это. Отдать жизнь ради дела Другого – значит, что все наши дела, вся наша жизнь служит укреплению харизмы, в которой нам дано участвовать. Школа общины тоже называет такое сравнение нашей главной заботой «в методологическом, моральном и педагогическом смысле». Помогите мне понять. Спасибо.

Монс. Мошиатти

Видишь, харизма, как мы и сказали, это что-то, что вышло нам навстречу. Мы встретили событие Христа через харизму, через определенную историю, лицо. Это нам ясно. В чем же драма жизни? В том, что после встречи человек начинает жить согласно собственным критериям, согласно собственным взглядам, согласно тому, что приходит ему в голову, согласно тому, что ему кажется неотложным. Это крайне важно, поскольку сравнение с харизмой – нечто вполне естественное. Вопрос в том, желаю ли я, встретив что-то великое и мощное, следовать за этим и постоянно сравнивать то, чем я живу, со мной, с моим сердцем. Сколько раз отец Джуссани повторял: «Даже то, что говорю вам я, вы всегда должны сравнивать с вашим сердцем, с вашими исходными потребностями». Такое сравнение непрерывно, и оно сразу же позволяет нам увидеть истину вещей. Что же в конце концов представляет собой харизма? Отец Джуссани отвечает в тексте школы общины: «Сущность харизмы „Общения и освобождения“ сводится к той полной восторга и изумления вести, что Бог сделался человеком и что этот Человек присутствует в „знаке“ согласия, общения, общности, единства народа; только в Боге, сделавшемся человеком, только в Его присутствии и, следовательно, только – неким образом – через форму Его присутствия человек может быть человеком и человечество может быть человеческим. Здесь источник морали и миссии» (Прочертить след... С. 137). Итак, если непременно необходимо присутствие, знак согласия, единства, общения, общности, то, отдаляясь от них, я с легкостью теряю харизму, становлюсь независимым и мне уже больше не удается получать дар, достигший меня совершенно безвозмездно и неожиданно. Это понятно?

Сегодня утром я проснулся с мыслью о том, что обращение очень конкретно, и поэтому благодарю монсеньора Мошиатти, который вчера говорил нам об этом всеми возможными способами; а еще он епископ Имола, города, дорогого моему сердцу. Помню, когда я попал в местную больницу, там был один монах, который произвел на меня глубокое впечатление (оно осталось до сих пор) тем, как он жил с больными. В последний месяц я сижу взаперти из-за коронавируса. В приходском доме, где я живу, нас четверо,

и все мы один за другим заболели. На протяжении недели у меня единственного был отрицательный тест, и меня злило легкомысленное поведение других. Как-то утром я проснулся с насморком. Тест оказался положительным. С того момента все, что было связано со страхом, изменилось благодаря помощи друзей, ободрению в WhatsApp, поддержке школьных поваров, обеспечивших нас едой. Так в один прекрасный момент мое отрицание... испарилось. Я физиотерапевт и хотел обойтись своими силами. Потом, когда отец Стефано получил негативный тест, я подумал: у него накопились дела, и он бросит меня одного... Но меня удивило то, что случилось дальше. Сначала мой друг-священник чувствовал себя очень плохо, но был спокоен. Когда ему стало лучше, он не только не оставил меня, но и служил мне всевозможными способами, хотя у него было много работы. Моя близкая подруга-медик, тоже из Братства святого Иосифа, шаг за шагом сопровождала и поддерживала меня, как и другие друзья. Господь составил мне компанию и продолжает составлять, поскольку история еще не закончилась. Благодаря друзьям я даже согласился на методы лечения, с которыми в корне не согласен. Болезнь стала для меня возможностью увидеть Иисуса в действии, а с Ним – и моих друзей. В них я вижу того же Иисуса, Который склоняется надо мной. И это очень трогательно. Обычно я бунтую, упрямлюсь, не понимаю, порой отшучиваюсь. Поэтому обращение – простой путь принадлежности, и теперь я замечаю, что эти люди есть и помогают мне.

Монс. Мошиатти

Твое свидетельство замечательно, ведь важно не то, что ты бунтарь (ты тот, кто есть, что уж и говорить о нас!), а что ты можешь растрогаться перед лицом компании Христа, которую ты ощущаешь рядом с тобой. И эта растроганность заставляет тебя говорить: «Это Ты пребываешь рядом со мной, Ты постоянно прощаешь меня, Ты обнимаешь меня таким, какой я есть, и не смотришь на мои проблемы, на мои ошибки, на мои навязчивые идеи, а непрерывно возрождаешь меня Твоим милосердием». Это что-то великое. Обращение – в том, чтобы перевести взгляд с самих себя, с наших недостатков, с нашего зла к Тебе, предстоящему перед нами. Спасибо. Выздоровливай скорее!

Я работаю тьютором. Для меня сравнение с харизмой означает попытку смотреть на тех, кто передо мной (на детей и коллег), смотреть, имея в виду их судьбу, стараясь любить их такими, какие они есть, включая и моего ученика, страдающего аутизмом. Но хотелось бы уточнить: этого достаточно? Как возрастая в этом сравнении? Как оно может стать все более «повседневным»?

Отец Микеле

Мне кажется, сравнивать нужно, как сказал монсеньор Джованни, с сердцем – с нашим внутренним опытом, с тем желанием, с теми потребностями (в справедливости, истине, красоте), с которыми сотворил нас Господь и которые всколыхнулись в рамках определенной истории, определенной встречи. Другими словами, предмет сравнения – не мои представления о харизме, как я ее помню, как говорил отец Джуссани (в конечном итоге на этот счет у каждого свое мнение, своя интерпретация). Так мы превращаемся – Каррон часто это повторяет – в иешивы [иудейские высшие религиозные учебные заведения, предназначенные для изучения Устного Закона, главным образом Талмуда], где каждый читает тексты на свой лад. Но кому из нас не знаком опыт соответствия? Мы здесь ради этого. Сравнение нужно производить с собственным сердцем, которое кто-то затронул,

которое затронуто неким присутствием, встречей. И поэтому харизма либо очевидна, либо ее нет. В этот момент кто-то затрагивает, приводит в движение мою жизнь. Предыдущий пример замечателен: я переживаю опыт соответствия того, что не мог бы создать или придумать самостоятельно, поскольку наконец вижу ответ для моего сердца и постоянную инициативу в отношении меня. Думаю, мы по-настоящему избалованные дети невероятно богатой семьи, живущей в элитном поселке. Таково Движение для нас, оно дает нам все. В последнем номере *Tracce* есть потрясающие страницы. Школы общины всегда становятся свидетельством. Каждый из нас может рассказать о фактах, и, как ни парадоксально, сейчас, благодаря технологиям, мы можем устраивать такие встречи, со свидетельствами из Африки и Латинской Америки! Вот инициатива, которую Движение, харизма непрестанно предпринимает в моем отношении. Думаю, все мы переживаем это соответствие. С ним-то и надо сравнивать. Когда я вхожу в школу, когда встаю перед учениками или решаю вопросы у себя в Санктуарии, я сравниваю с этим опытом. Действительно, прекращая сравнивать, то есть жить памятью, не руководствуясь таким критерием и полнотой моей жизни, я неизбежно замечаю это, поскольку начинаю жаловаться на реальность, предъявлять к ней претензии, требовать полноты, которую она не в состоянии дать. Я обижаюсь на то и на это, и у меня всегда есть причины, но моя злость – знак того, что пропадает растроганность и наполненность сердца, с которым я могу сравнивать все. Поэтому-то и нужно обращение, как говорил монсеньор Джованни, необходимо и дальше перемещать взгляд с самого себя на то, что способно растрогать меня, на Него, идущего мне навстречу.

Монс. Мошиатти

Проверка заключается в том, что я становлюсь все более радостным. Обновляется взволнованность от встречи, даже с годами, поскольку ты словно вновь ощущаешь то, что случилось в начале.

Мне кажется, вчерашняя лекция еще раз очевидным образом выявила, что жизнь в целомудрии содержит в себе великое обещание и является целесообразной, ведь нашим человеческим делам глубоко соответствует жизнь, целиком отданная ее Дарителю, Которому она принадлежит, с желанием не обладать и не манипулировать тем, что тебе предлагается. Живая, головокружительная позиция открытости и постоянного доверительного ожидания, чтобы Событие повторилось в нас и в других людях (мы уже видели и проверили, насколько это облагораживает нашу жизнь)... В таком постоянном ожидании, силу которого мы периодически ощущаем, – возможность для нас.

Меня удивило предложение жить тем же опытом жизни, какой был у Христа, сосредоточиться на опыте Христа, а не на моих представлениях о Нем. Понимание греха как ослабления сознания о нашей принадлежности к Отцу, – вот то, что отличает опыт Иисуса от моего опыта. Его сыновство было у Него в крови, нам же приходится постоянно вновь завоевывать это сознание. Я знаю, где и с кем мне нужно пребывать, чтобы в меня мог войти критерий, превосходящий мое самовыражение. Я вижу, как моя жизнь становится более сильной, свободной, истинной, изумительной, если я оставляю моих больших и малых идолов и вверяю себя великому и свободному опыту, переживаемому во встрече с харизмой Движения. Мне хотелось бы понять на опыте, что такое Крещение. Оно остается для меня понятием, осознанным кем-то, кому я доверяю, но я на уровне существования не чувствую перемену, которая происходит в природе человека, когда он принимает Крещение. Или же не отдаю себе в этом отчет. Спасибо, потому что я начинаю замечать, что возмущение собственной забывчивостью

оказывает на меня все меньший эффект, поскольку мне удастся вновь завоевывать веру через постижение и послушание, как говорилось вчера. Я стараюсь обращать сердце и взгляд к обещанию и к возможности жить, которые мне предлагают здесь и которые уже становятся моим опытом, вместо того чтобы предаваться моралистическому самобичеванию в попытке выявить мою неспособность начинать заново (если я и начинаю, то лишь за счет собственных усилий, а это игра, проигранная изначально).

Монс. Мошиатти

Крещение – великий дар, предложенный нам. Вот первое важное слово: «дар». Крещение говорит нам как раз о том, что оно не плод наших действий: Кто-то вышел нам навстречу. Тебя крестили в детстве или уже взрослой?

Через два дня после рождения.

Значит, это был по-настоящему желанный дар; твои родители пожелали, чтобы Христос с самого начала обнял тебя, сделал тебя новой. Вот что интересно в Крещении: оно дар. Не результат твоих поисков, а безвозмездный дар. Когда же ты замечаешь плоды Крещения? Во встрече с живой реальностью, с компанией, с общением, в котором ты открываешь для себя данный тебе дар и говоришь: «Но ведь это уже произошло!» И что делает эта компания? Она делает для тебя все более очевидным этот дар в его полноте, во всем достоинстве произошедшего с тобой. Человек, получающий Крещение в двадцать пять лет, пережив обращение, тоже именно в рамках встречи открывает для себя величие этого таинства, этого начала. Само Тело Христа воскресшего достигает тебя, охватывает тебя и уже больше не оставляет. Это не тот дар, который Господь со временем просит обратно, забирает. Его воскресшее существо доходит до тебя через компанию. Вы совлеклись ветхого человека и облеклись в человека нового. Это и есть Крещение: белые одежды, которые ты получаешь, зажженная свеча. В жизни вспыхивает нечто новое, но нужна встреча, чтобы ты могла видеть красоту этого и наслаждаться ей.

Отец Микеле

Поразительно, что ты повторяешь: это дар, таинство, оно не зависит от меня. Значит, это инициатива Иисуса в отношении именно меня. Я призван видеть ее плоды благодаря харизме, благодаря еще одной инициативе Бога, чтобы еще больше осознавать это. Я призван замечать это семя и способствовать тому, чтобы оно проросло. Харизма призывает меня отдать себе в этом отчет. Все мы знаем, какой была бы наша христианская жизнь, если бы мы не встретились с харизмой Движения. Или лучше: мы и представить себе не можем, потому что речь действительно о благодати. Я не стал бы священником. Думаю, Джованни не стал бы епископом. Нас бы тут не было. Мы, безусловно вовлечены в этот огромный дар, но в начале всего – дар Крещения, полученный безвозмездно. Тебе ничего не нужно было делать, ровным счетом ничего. Он Сам вышел тебе навстречу. Крещение неизменно поражает меня, потому что у него, как и всякого таинства, есть отличительная черта: Его инициатива по отношению ко мне. Он не спрашивал у меня разрешения. Он сказал: «Ты мой». А потом он проявил ко мне милость, благодать и позволил возвращать то, что Он поместил в меня как семя, чтобы оно стало моим. Именно изначальная безвозмездность делает его объективным. Он посмотрел вниз и произнес: «Ты». Так случилось со мной, с Джованни. Повторяю: все это осталось бы на словах или мы заучили бы это из катехизиса. Но благодать харизмы заключается в том, что это стало опытом. опытом трогательным, возможным каждый день. И это впечатляет.

У меня вопрос касательно того момента, когда монсеньор Мошиатти говорил: «Не самовыражение, а обращение». Это своего рода подсказка об искушении поменять метод. В нас преобладает стремление самовыражаться в ущерб событию, вошедшему в нашу жизнь. Мне бы хотелось лучше понять этот пункт, поскольку порой я спрашиваю себя, чем так уж плохо самовыражение. В другие разы мне кажется, что мои благие желания (чтобы я чувствовал себя любимым, чтобы в отеле, где я работаю, все вернулось в прежнее состояние) отражают мои проекты относительно реальности. И не осуществляясь, как задумал я, они словно превращаются в препятствие для обращения, потому что, хотя они и важны, я не желаю жить только ради частных моих жизни. Спасибо. Проблема, собственно, в этом: с одной стороны в отеле ситуация не из прекрасных; с другой, из-за коронавируса, я замечаю, что обязательное дистанцирование вызывает у меня некоторые трудности в отношениях. Иногда обостряется что-то на уровне привязанности.

Монс. Мошиатти

Самовыражение не ошибка! Мы не роботы, нами не управляют с дистанционного пульта. Ты это ты. Проблема возникает, когда ты, мы живем в соответствии с нашей схемой, за пределы которой выйти порой трудно. Из сказанного тобой я понимаю, что иногда ты строишь проекты относительно реальности; смотришь на отель, в котором работаешь, как если бы он остался таким, как прежде; возможно, даже жалуешься (обычная история для тех, кто живет по проекту), но реальность говорит другое. Это подтверждает, что необходимо обращение, а не только самовыражение. Делая упор исключительно на самовыражение, я постоянно жалею, поскольку все не так, как мне хотелось бы. А обращаться – значит предстоять перед происходящим и спрашивать: о чем оно мне говорит, на какой шаг подталкивает, чего просит у меня? Пресловутая пандемия либо чего-то требует от нас, смещает с нашей привычной жизненной позиции, либо, как сказал Франциск, она наступила зря. Именно об этом папа говорил в знаменитой речи, произнесенной 27 марта прошлого года на пустой площади Святого Петра: «Эта буря срывает маску с нашей хрупкости, уязвимости, оставляет непокрытыми наши фальшивые и поверхностные опоры, с помощью которых мы выстраиваем планы, привычки и приоритеты». Она ставит нас в условия, позволяющие нам принять нечто большее. Стереотипы рухнули, мы все пребывали в тревоге, а Господь постоянно спрашивает: «Почему вы боитесь? Неужели в вас до сих пор нет веры?» Господь в том евангельском отрывке про бурю говорит: «Я здесь, вы не должны бояться». Нужно изменение, обращение, нужно обрести иной взгляд. Взгляд, заставляющий меня проводить сравнение с реальностью, ведь реальность – это Христос. Нам об этом говорит святой Павел, и это так. Реальность провоцирует нас. Не позволяя себя провоцировать, я продолжаю и дальше идти за счет собственных идей. Если же я, напротив, допускаю провокацию, начинается путь обращения. И все становится по-настоящему интересным, и происходящее никогда не против нас, оно является возможностью измениться, все больше замечать Его, Христа.

Отец Микеле

Дело в том, что без провокации, о которой ты говоришь, мы не мы. Мы мельчаем в наших навязчивых идеях. Обращение не альтернатива тому, чтобы быть самими собой. Наоборот. Без провокации со стороны реальности, без провокации Христа извне я все меньше я. Я все больше зацикливаюсь на моем представлении о самом себе и о реальности. По сути, это наш каждодневный опыт. Что освобождает нас от навязчивых идей? По какому признаку

понять, что что-то не так? По тому, что, не разрешая проблему, я перестаю жить, я пребываю в тревоге. Возможно, это даже «правильная» проблема, с которой нужно разобраться, и, возможно, у меня в голове есть решение, но по факту я больше не живу, я не я. Напротив, провокация извне позволяет мне вновь обратить взгляд на полноту, освобождающую меня, в том числе и от решений. Я становлюсь самим собой, я уже не раб проблемы, навязчивой идеи, моей схемы. И как раз чтобы мы стали самими собой, Господу приходится обращать нас пинками, пандемиями, пинками пандемий.

Мне хотелось бы, чтобы вы чуть подробнее остановились на перемене метода, на том, что это значит для взрослых людей, имеющих ответственность перед лицом работы или ее отсутствия, перед проблемами с детьми и т. д. Мы в Бразилии бедные и переживаем пандемию абсурдным образом. Нашему президенту все равно, умрем мы или нет, политиков не заботит, дойдем ли мы в конце недели до двухсот пятидесяти тысяч мертвых. Мне понятно, что вера превозносит разум. Может, я скажу ересь, но у меня ощущение, что одними молитвами проблему не разрешить. Мне жаль, я знаю, это суровые слова и вы, монсеньор, говорили не об этом. Но в мире столько несправедливости, столько боли! Разумеется, для меня пандемия – почти дар, ведь она позволила нам стать ближе друг к другу. Но какой ценой? Метод верен для всех людей? Для меня ясна харизма, как вы ее описали. Перед лицом боли возникает желание помочь, сделать что-то. Конечно, мы не в состоянии устранить страдания, в этом-то и заключается самый большой вызов. Как не убежать от метода, когда видишь вокруг голод и боль? Спасибо.

Монс. Мошиатти

Я всегда хотел отправиться в миссию, но меня так никогда и не послали. В семинарии я спрашивал у отца Микеле: «А тебе не хотелось бы поехать?» Он отвечал: «Я хочу быть епархиальным священником, поэтому-то я здесь, в этой семинарии». Ну так вот, я нигде не уехал, а он десять лет провел в Перу. Я до сих пор помню (и так я отвечу на твой вопрос), как, вернувшись, он поделился тем, что сказал ему один наш большой друг. Он взял его в Лиму, и они поднялись на самую высокую точку, откуда открывается потрясающий вид на город. Теперь отец Микеле повторяет то, что тогда сказал ему этот друг, и мне кажется, тут кроется ответ на твой вопрос. Боль самая настоящая. Это очевидно не только в Бразилии, но и у нас. И проблема боли тяжелая, особенно, когда политическая власть сильна и не понимает, когда она давит тебя... Так было всегда, и во времена Иисуса тоже. Отец Микеле, может повторишь, что тебе ответил и помог понять наш друг?

Отец Микеле

Было два момента. Во-первых, глядя на раскинувшийся перед нами город (большую часть составляют трущобы), он сказал: «Что бы ты ни делал во время, отведенное тебе здесь, отсюда будет казаться, что ничего не изменилось». Мы работали в университете, и с того места не удавалось даже примерно определить, где он находился; он был всего лишь точкой. «То, что ты будешь делать там, отсюда не увидеть». У меня аж живот свело. Это правда, здесь нужда, боль, нехватка настолько огромны, что любые попытки что-либо сделать просто смехотворны. Я видел бесконечную диспропорцию между болью, нуждой, тем, что было передо мной, и немощными силами всей моей жизни. Наш друг (Андреа Ациани, знакомый многим из вас, он уже в Раю с Господом) оставил мне время на раздумья,

а потом, пока мы спускались, сказал: «Но ты помни, что Христос уже победил». И я подумал: «Ну слава богу, что победил, а то если бы Он проиграл!..» Это был саркастический ответ, за который я поплатился, в том смысле, что потом я увидел, насколько он прав. Когда исходишь из Его победы, даже посреди всего зла этого мира, посреди всех страданий, Он начинает побеждать и там. Красота жизни в том, чтобы вносить свой вклад в эту уже свершившуюся, уже присутствующую там победу. А можно, наоборот, погружаться в отчаяние, глядя на то, чего до сих пор недостает.

Монс. Мошиатти

Ты подумай о Христе: Он умер в одиночестве. Под крестом стояли Его мать и Иоанн, еще четыре-пять женщин издали смотрели туда, куда Его должны были положить. На этом всё. Остальные разбежались. И тем не менее, мы по-прежнему говорим о том Человеке, Он до сих пор дает нам жизнь здесь и сейчас. Понимаешь? Проблема не в молитве, а в том, чтобы не останавливаться на своей потерянности, на своей скорби, потому что иначе нам конец. Как говорил другой наш большой друг Энцо Пиччинини, нужно всегда смотреть на то, что есть, а не на то, чего нет. Именно на это обращает наш взгляд Христос. Он даже позволяет нам что-то организовывать, что-то делать, осуществлять прекрасные, важные инициативы, которые могут привести к изменениям. Но проблема не в цели, не в делах, не в инициативах. Многие пробовали устраивать революции, свергать правительства, но не мир этим не изменить, если не изменюсь я сам.

*Дорогой монсеньор Джованни! Прежде всего сердечно благодарю за ясность и любовь, с которыми ты ведешь наши реколлекции, это очень помогает. И спасибо дорогому отцу Микеле, что он пригласил тебя! Когда ты напомнил нам слова из обряда возложения пепла, я не могла в очередной раз не признать, насколько они правдивы, и мысленно вернулась к моменту двухлетней давности. Мой отец вернулся на Небеса, и в считанные дни я перешла от заботы о его дорогом возлюбленном теле, к тому, чтобы поместить урну с его прахом в могилу, рядом с останками моей мамы. Я горячо люблю жизнь, и с каждым новым днем замечая, что становлюсь счастливее, даже в испытаниях, поскольку Он действительно *vir pignator*. Во мне укрепляется сознание, что Ты, Иисусе, являешься Жизнью моей жизни, реально, плоти. Вместе с ним растет и невыразимая благодарность за то, что я погружена в эту компанию, где слова отца Джуссани: «Христос единственный принимает близко к сердцу все во мне», – непрерывно, неустанно воплощаются, где мою свободу и всю мою личность неизменно любят и ждут. Я желаю всем сердцем настоящего обращения, и поэтому хочу попросить у тебя помощи относительно второго понятия, которое использует Джуссани, описывая обращение. Я о послушании. Вот уже более двадцати лет мне вновь и вновь дается возможность смотреть на опыт послушания. И в конце я говорю: «Так, понятно, все верно, нужно принять критерии другого, Его критерии...» Я говорю это искренне, но вчера мое сердце разодралось вопросом, который может показаться банальным: что на самом деле значит для меня сегодня послушание это признанной мной реальности, нашему единству в том Человеке? Помоги мне, пожалуйста, понять.*

Монс. Мошиатти

Меня очень поразило то, что ты сказала о прахе. В Пепельную среду папа Франциск говорил: «Слово Божие просит нас о возвращении к Отцу, просит вернуться к Иисусу, мы призваны вернуться и к Духу Святому. Пепел на наших главах напоминает, что мы прах и в прах возвратимся. Но в этот наш прах Бог вдохнул Свой Дух жизни. И потому мы не можем жить,

гоняясь за прахом, преследуя то, что сегодня есть, а завтра пропадает. Вернемся к Духу, Подателю жизни, вернемся к Огню, воскрешающему нас из пепла, к Огню, учащему нас любить. Мы всегда будем прахом, но, как говорится в одном литургическом гимне, мы влюбленный прах. Станем снова молить Духа Святого, чтобы Он погасил прах жалоб и подавленности».

Это и есть послушание, а иначе, что бы мы должны были делать, видя, как повсюду господствует прах? Что-то вошло в нашу жизнь, придало жизнь жизни, придало жизнь нашему праху. Сердечное послушание этому – неустранимый фактор, а не какой-то довесок к жизни. Именно оно делает жизнь жизнью. Потому что, если мы не послушны этому, то чему мы вообще послушны? Нашему праху, которому суждено остаться прахом?

Отец Микеле

Из праха мы стали порохом, порохом, который взрывается, а иначе послушание было бы лишь потерей себя, словно наша жизнь отдана в подряд кому-то другому, кто знает больше нас, кто симпатичней нас, кто старше нас, кто моложе нас. Мы же взволнованный пепел, влюбленный пепел, взволнованное сердце. Нужен Тот, Кто взволнует его. Тот, Кто должен был прийти. Именно этому взволнованному сердцу я и послушен. Почему мы следуем за Карроном? Почему он во главе? Потому что он единственный позволяет мне переживать опыт Христа, а значит, и реальности, которую мое сердце признает соответствующей ему. Я иду за этим. Послушание состоит в просьбе о том, чтобы кто-то помог мне жить таким соответствием, чтобы кто-то встал передо мной со своим опытом и позволил мне переживать тот же самый опыт и быть очарованным, как он. Послушание – всегда послушание взволнованному сердцу. Недостаточно, как говорят многие, послушания сердцу, если нет того, кто приводит его в волнение. Если оно не взволновано, если оно не живет соответствием, мы заблуждаемся, идем за тем, что кажется нам сердцем, а на самом деле – не более чем наши навязчивые идеи, наши схемы.

Монс. Мошиатти

Добавлю лишь одно. Все, что я переживаю, даже то, что, на первый взгляд, я претерпеваю, чему подвергаюсь, – все это возможность научиться послушанию. Замечательна фраза, сказанная об Иисусе: «Страданиями навек послушанию» (Евр. 5:8). Это интересно. Даже то, что было против Него, вплоть до крестной смерти, не остановило Его послушание Отцу, Его отношение с Отцом, отношение, где Он был Сыном, ибо у Него был Отец. Все было вовлечено в великую тайну Отца. Либо и для нас это так, либо мы превращаемся в прах.

Отец Микеле

Парадокс в том, что, с одной стороны, мы хотим действовать своими силами, а с другой, ничто не пугает нас больше этого. Поразительно. Мы хотим следовать за собственными мыслями, но нам страшно сказать: «А может, я все себе придумал». И именно это уводит нас от описанного отношения.

Мне хотелось бы лучше понять связь между искушением поменять метод и сознанием, что моя жизнь зависит от Другого. Я живу в Хьюстоне, штат Техас. Неделию назад на нас обрушился сильнейший зимний шторм, нетипичный для наших мест. Во время этого стихийного бедствия я ощутила, насколько изнуряет жизнь, когда ты просто пытаешься выжить. Например, вся энергия уходила на то, чтобы оставаться в тепле, есть и пить. Казалось, ничему другому не было места. Однако, в эти дни я также испытала, что Отец конкретным образом заботится обо мне. Я вновь на опыте

убедилась, что моя жизнь действительно в Его руках. В частности, я увидела это в моих матери и сестре, с которыми мы пережидали ураган, в друзьях по школе общины, которые ежедневно писали и проверяли сообщения, спрашивая, не нужно ли принести воду, принять кого-то у себя дома или доставить продукты. Казалось бы, есть ирония в том, чтобы провести таким образом Пепельную среду, но пост становится в корне другим, когда у тебя нет электричества, отопления, воды, доступа к санузлу или интернету (как будто Бог решил, чем мы должны были пожертвовать). В нас было подлинное желание уступить Его милосердию, потому что в таких обстоятельствах ясно видишь, насколько жизнь зависит от Него. Эти дни заставили меня задуматься о том, как часто я живу, просто пытаюсь добраться до конца дня, когда нет шторма и в моем распоряжении все удобства и все необходимое для жизни. В этом смысле я вижу искушение поменять метод и жить за счет собственных ресурсов или стоящих передо мной задач. Как же возможно принимать любую рутину повседневной жизни, если «событие» не предстает как нечто из ряда вон выходящее, но все-таки дается Тайной? Спасибо.

Монс. Мошиатти

Читая твой вопрос, я думал о Богородице. На протяжении тридцати лет она наблюдала чудо, каким был ее Сын. Видела ли она какое-то из ряда вон выходящее событие? Евангелие связывает первое совершенное Им чудо с браком в Кане, где Господь превратил сотни литров воды в вино. Маленькое отступление. В новом переводе было сделано важное открытие. Раньше говорилось про шесть каменных водоносов, вмещавших по две или по три меры. Сколько это – две или три меры? В новом переводе мы читаем о шести каменных сосудах, содержавших от восьмидесяти до ста двадцати литров воды. Возьмем среднее значение: сто литров на сосуд. Иисус претворил шестьсот литров вина! Богородица ничего такого не видела в первые тридцать лет. В чем же тогда заключалось событие новизны? В живой памяти о том, что с ней случилось и что всегда поддерживало ее надежду. Новизна действительно заключена в повседневном, в том, чем ты живешь. Потом происходят и чрезвычайные ситуации, которые, ясное дело, нас поражают. Каррон в книге «Сияние в глазах», цитируя Джуссани, говорит: «Тот, кто сосредоточен на себе, на собственной доброте или уме, на тревоге или убежденности в своей правоте, в конечном итоге перестает воспринимать реальность в ее неиссякаемой и таинственной инаковости. И тогда единственное воодушевление, которое возможно испытать в жизни – воодушевление от своей правоты, от удовлетворенности и уж точно не удивление перед происходящим, перед реальностью, обращающейся к человеку, перед благодатью бытия» (Х. Каррон. *Сияние в глазах*. С. 97–98). Если человек живет открытостью, о которой рассказала ты, каждый день его удивляет, каждое мгновение по-настоящему его удивляет, это огромное удивление – признание присутствующего Иисуса.

Отец Микеле

Не пересекая в очередной раз Атлантику, вернемся в Бразилию. Я прочитаю письмо по-итальянски, а потом, если хотите, обсудим.

Приведите, пожалуйста, примеры того, о чем вы сказали в конце лекции: «Нужно исправлять друг друга так, чтобы харизма не превратилась в предлог делать то, чего хотим мы». Я желаю жить послушанием и верностью харизме, и, читая девятый пункт книги «Прочертить след в истории мира», поняла, что лишь после без малого двадцати пяти лет с момента встречи с Движением, у меня естественно получается быть

«послушной». До недавнего времени это всегда была внутренняя борьба, даже когда речь шла о простых вещах, например о задачах, поставленных общиной, и о том, как я хотела организовать свое свободное время. Было ощущение, что Движение пыталось «загнать меня в угол», завладеть моим свободным временем. И я сопротивлялась. Я следовала, но внутренне брюзжала и не жила свободно. Напротив, в последние годы, особенно в период пандемии, я переживала опыт, в силу которого любое предложение, исходившее от текстов, от главы местной общины или Братства святого Иосифа, помогало мне переживать мою жизнь, включая работу и свободное время, полноценно, более правильно и истинно. Я ясно поняла, что так Господь сопровождает меня на пути к Богу. И поэтому я чувствую себя свободной, когда принимаю предложения Движения. С другой стороны, я ощущаю определенную потребность для меня и моих друзей, чтобы вещи происходили определенным образом. Например, мне иногда не по себе, когда начало встречи задерживается или когда школа общины или собрания Братства святого Иосифа длятся дольше из-за обсуждения вопросов, никак не связанных с работой над текстом. И тогда у меня возникает сомнение: такая требовательность возникает от «сравнения с исторической формой харизмы» (тут мне в голову приходит метод, используемый на встречах Движения) или же это «предлог, чтобы делать то, чего хочу я»? Я также думала о словах папы, призвавшего нас «не поклоняться пеплу», а поддерживать живой харизму отца Джуссани, в которых, возможно, содержится намек на определенную гибкость, когда речь о методе. Поэтому прошу привести примеры, которые помогут мне переживать сравнение, о котором говорится в тексте: «Чтобы харизма не превратилась в предлог, в повод для того, чтобы творить все, что заблагорассудится, остро необходимо непрестанное сопоставление, напоминающее об идеале и исправляющее, сопоставление с исторической формой, которую принимает харизма: с текстами и людьми, выступающими как ориентиры».

Монс. Мошиатти

У меня в Имоле есть замечательный пример одного святого священника. Он встретил Движение давным-давно, но потом предпочел уйти и положил начало собственному пути. Многие последовали за ним. Меня очень поразило, что спустя долгие годы они сейчас просят, чтобы их путь был признан Церковью, чтобы Церковь признала то, как они жили их харизмой. Возможно, это связано с тем, что он чувствует, как жизнь подходит к концу, и ему нужно передать другим, тем, кто придет за ним, преемственность. Только подумайте, какая история. Нам была дарована невероятная, мощная благодать – не оторваться от ростка, который сначала был ростком, а потом превратился в дерево, и Церковь, вплоть до самого папы, признала его обоснованность. Наша харизма, признанная Церковью, превратилась в высокое дерево, которое дало цветы, плоды, множество замечательных вещей. Что самое интересное, оставаясь привязанным к определенному месту, ты словно подпитываешься живой лимфой, тебе не нужно все начинать с нуля. Харизма несет тебе новую лимфу и на ее стволе появляются побеги, прекрасные вещи, имеющие один корень. Так вот, когда ты действуешь, как тебе заблагорассудится, ты как бы отрываешься от ствола, пересаживаешь дерево. Потом, возможно, если Бог захочет, оно даже вырастет, но это большой труд. Гораздо проще оставаться привязанным к тому, что уже есть, к тому, что тебе дано как цветок. Мы видели цветы, плоды, мы видели, что все это значит, на примере святости людей, живших харизмой в полной мере. Поразительно признавать все, что родилось от нашей харизмы, все великое, прекрасное, ценное. Когда я прочитал твой вопрос, мне в голову пришел этот пример, потому что нашему бедному священнику очень тяжело в его попытках понять, что же произошло в их жизни. Я всегда хотел быть привязанным к этому

невероятному стволу, благодаря которому моя жизнь пришла в волнение, благодаря которому я изменился. Харизма помогла мне вырасти, и я не представляю, где был бы, если бы эта жизнь меня не достигла. Именно поэтому послушание – всегда послушание сердца, простое послушание сердца. Конечно, речь не о том, чтобы поклоняться пеплу, поскольку пепел был охвачен живоносным дуновением Духа. Если ты, Микеле, приведешь другой пример, я только рад.

Отец Микеле

Приведу личный пример. Меня затронуло описание простых вещей, составляющих нашу компанию, как начало школы общины не вовремя... Что значит, не превращать все в предлог, чтобы делать, как нам хочется, и в то же время быть послушными собственному взволнованному сердцу? Меня всегда поражает Каррон: в отношении со мной (и я вижу, как то же самое он делает с другими) он всегда смотрит взглядом, полным уважения к моему сердцу. Это для него отправная точка. Нам словно каждый раз говорят: «Слушай, ты не дурак, и если что-то не сходится, если ты чувствуешь какой-то диссонанс, если что-то кажется тебе неадекватным, то не надо кидаться с копьем наперевес и кричать: „Я прав“, – разгоняя всех вокруг, или, напротив, отступать и говорить: „Это я ничего не понимаю, это я неправильный“». Мне кажется, интересный признак привязанности к харизме – доверие времени. Если и правда Бог творит что-то, со временем станет видно, что это что-то истинное. В эти годы прекрасно было видеть, что это указание истинно и не является просто стратегической рекомендацией. О некоторых вещах я всегда говорил: «По-моему, это неправильно». Я не претендовал на то, что все тотчас изменится, но и не говорил: «Ладно, проехали, это не так», – и со временем стало ясно, что я был прав. Но как же замечательно открывать это вместе, не вступаясь с кулаками за свою правоту, так что в конечном итоге ты остаешься правым, но тем временем уже выкорчевал дерево. С другой стороны, как часто мы думаем, что правы, а потом в определенный момент ситуация, пандемия делает нас более смиренными и более нуждающимися. И то, что раньше казалось посягательством на нашу независимость, теперь нам необходимо, и мы говорим: «Хорошо, что так вышло!» Принадлежность к харизме раскрывается со временем, в доверии и уверенности, что произошедшее со мной – Сам Бог, посетивший меня, а харизма – способ, которым Он ведет меня. Это суждение, и, если мы помним о нем и возвращаемся к нему, оно удерживает нас от постоянных претензий на правоту и от депрессивных мыслей, что мы всегда ошибаемся. Последнее выступление. Вернемся в Италию!

То, что больше всего провоцирует меня, сформулировано в следующей фразе лекции: «В компании Иисуса истинное отношение с реальностью может стать для нас постоянным опытом... <...> Со Христом ничто не утрачивается, поскольку Христос позволяет нам войти в близкое отношение с Отцом». В особенности меня поражают и провоцируют слова «постоянный опыт». Нет ничего желаннее, и все же не могу сказать, что это мой постоянный опыт, и такое ощущение, что это вообще нереально. Я говорю «желанный опыт», поскольку порой по благодати (и правда, мне кажется, что я не прикладываю к этому руку) я переживаю частность как данность, как подарок Господа мне, даже когда речь о сложных, тяжелых, изнуряющих обстоятельствах (мои родители живут со мной, у мамы дегенеративное заболевание, которое потребовало от меня радикального изменения касательно свободы моих действий, того, как я использую время). Когда так происходит, когда я вижу часть реальности, я ее принимаю, и тогда все не только поддается объятию, но и наполняется умиротворением и иронией. Тем

не менее, часто я переживаю это как жертву и не вижу, не понимаю. Какой уж тут взволнованный дар себя! Хотя я и знаю, что Господь всегда присутствует и без этой компании я бы буквально потерялась (говорю совершенно серьезно!), все в жизни, в прямом смысле все кажется миражем. Прочитую слова из вчерашней лекции: «Можно переживать все с неожиданной интенсивностью и достоинством, даже когда оказываешься в стесненных обстоятельствах». И еще: «Христос свидетельствует о таком способе переживания реальности, который не делает ее бесцветной, не редуцирует; этот взгляд воплощает и являет истинное, цельное отношение с каждым аспектом реальности». Мне кажется, быть всегда готовой ко всему – дар от Господа. Если Господь позволяет мне так переживать некоторые моменты, – это Его подарок. Но я не могу перестать желать этого. Мне хотелось бы, чтобы вы помогли мне и чтобы я, с одной стороны, не жила претензиями, а с другой, не падала духом.

Монс. Мошиатти

Думаю, в твоём опыте ты можешь увидеть, когда случается нечто новое, и это новое позволяет тебе вновь обнимать, прощать недели мрака. Понятно? Случается что-то, и ты говоришь: «Как прекрасно!» – и для всего происходившего до того момента, кажется, есть прощение, есть объятие, все обновляется, потому что что-то случилось. В жизни нет абсолютной ясности относительно всего (тогда, как ты говоришь, это была бы претензия), в ней есть события. Их называют так, поскольку они случаются в определенное время в определенном месте, и именно они проясняют вещи, умиротворяют прошлое и дают надежду на будущее. Событие – как верхушка айсберга, оно случается, и поразительно, что ты говоришь: «Как прекрасно!» – и замечаешь, что оно порой прощает тебе недели тьмы, недели мрака и возвращает уверенность в будущем. Все это – в силу события, происходящего в настоящем! Иногда мы претендуем на то, чтобы все было ясно, прозрачно. Будь оно так, мы уже оказались бы в Раю. Но есть события, события, которые, если посмотришь на них в прошлом, являются точками невероятной ясности, света, озаряющего всю жизнь. Попробуй подумать о первом моменте, когда у тебя родилась мысль, что отдать жизнь Христу – интересно. Это свет, рассеивающий любой мрак, годы и годы тяжести. Понимаешь?

Отец Микеле

Продолжу то, о чем ты говоришь. Образ айсберга красив, поскольку подводная его часть огромна и позволяет видеть ту, что над поверхностью. Мы никогда не думаем, что наш сосед, у которого такие же точно проблемы, живет по сравнению с нами в другом мире. Иными словами, то, что произошло в твоей жизни, пусть и не всегда находится у тебя на виду, помещает тебя в другой мир. Как только ты начинаешь жить, как твой сосед, в реальности без смысла, без глубины, жить чистой реакцией, лишь бы только выносить жизнь, у тебя не получается, поскольку у тебя есть опыт того, что реальность – это Христос, что у нее есть смысл и этот смысл – в Нем, что этот смысл – Он – желает тебя обнять. Это правда, в нас не всегда есть такое сознание, но вернуться обратно уже нельзя. Ты живешь полдня (срок все время сокращается, раньше могли пройти месяцы, потом недели, потом день, а теперь ты и дня не выдержишь) и уже не в силах продолжать, не спросив: «Почему все так? Да где ты вообще?» Нехватка заставляет тебя смотреть, искать, вглядываться в реальность на той глубине, где есть Другой, Тайна. С соседом такое не случается. Что там айсберг! На нас свалился весь Северный полюс! Какая-то благодать в нас есть, потому что в нас по крайней мере рождается благодарность, когда мы замечаем,

что с нами произошло. Мы видим вокруг столько людей, которые переживают болезнь родных неглубоко, почти в отчаянии, думая лишь о том, что те исчезнут, уйдут и ничего не останется. Вчера мне позвонил один знакомый и сказал: «Передаю трубку человеку, который хочет совершить самоубийство». Тот хотел со всем покончить и продолжал говорить: «Я ни на что не гоюсь, хватит, я так больше не могу». Он был пьян, общаться было непросто. Но я ответил ему: «Подумай только, что произошло в моей жизни: я подобные вещи и произнести не могу». По-моему, образ айсберга очень правильный, истинный.